

93
6264

Бюджет Русского
Музея

Е. Рюдинъ.

авторъ

801-11

879

ПАМЯТИ

В. М. Таршина.

Харьковъ. Типографія Губернскаго Правленія.

Б. Рѣдинъ.

ПАМЯТИ

В. М. Таршина.

Харьковъ. Типографія Губернскаго Правленія.

Дозволено цензурю. Харьков. 16-го Марта
1899 года.

6898-0

2007082406

Памяти В. М. Гаршина.

„Люби ближняго своего“, „будь чело-
вѣкомъ кроткимъ, незлобивымъ“, „по-
ложи душу за други своя“—звучить
въ нашихъ ушахъ, какъ людей, воспи-
танныхъ въ христіанской вѣрѣ, въ
идеалахъ, завѣщанныхъ намъ Вели-
кимъ Учителемъ, въ ученіяхъ истин-
ной культуры, озаряющей нашъ умъ,
душу стремленіями ко всему доброму,
прекрасному...

Мы прислушиваемся къ этимъ свя-
тымъ словамъ, мы стремимся осущест-
вить ихъ на дѣлѣ... Но должно быть
насъ мало людей *дѣла*, исполнителей
святыхъ завѣтовъ, людей истинной
культуры...

Жизнь наша полна страданій, бѣдствій, несовершенствъ. Сколько вокругъ насъ совершается несправедливостей: униженія, обиды слабога, издѣвательства надъ нимъ! сколько бѣдности, нищеты! сколько невидимыхъ для насъ, горькихъ слезъ проливается—изъ за невозможности добыть насущный кусокъ хлѣба, обезпечить себѣ, семьѣ сносное существованіе! сколько вокругъ насъ темнаго невѣжества, грубости, дикости! На нашихъ глазахъ ежедневно совершается столько печальныхъ событій, происходитъ столько ужасныхъ явленій, что, если бы мы относились къ нимъ съ полной воспримчивостью иѣжной, чуткой, отзывчивой души, то должны были бы придти въ ужасъ, устыдиться самихъ себя... Но мы, очевидно, забываемъ свое внутреннее „я“, свою совѣсть, заглушаемъ ея укору крохами благотворенія, минутами дѣятельности на „общую пользу“.

Однако и среди насъ являются истинные дѣатели на общую пользу, преданные ей всѣмъ существомъ своимъ, всѣми силами своей святой души. Они увлекаютъ и другихъ, и не даютъ намъ совсѣмъ уже погрузиться въ тину себялюбія, забвенія идеаловъ, правды, красоты. Среди насъ появляются, чистыя идеальныя существа, словно посланники далекихъ, высокихъ небесъ, съ благородной любвеобильной душой, чуткой, отзывчивой ко всему прекрасному, къ чужому горю, страданію... Но тяжело этимъ „лучшимъ изъ людей“ среди насъ. Слишкомъ сильная и глубокая пропасть отдѣляетъ ихъ отъ насъ, нашей бѣдной, горькой дѣйствительности! Много терзаній, мученій, страданій душевныхъ переживаютъ они отъ этой дѣйствительности. И она, наша дѣйствительность, побуждаетъ ихъ: въ молодыхъ годахъ, еще не успѣвъ расцвѣсть, проявить въ полной силѣ дары, заложенные въ нихъ

природой, они отцвѣтають, падаютъ, поникнувъ головой, словно нѣжныя цвѣтки, захваченные неожиданно сильнымъ морозомъ...

Однимъ изъ такихъ идеальныхъ существъ былъ покойный *Всеволодъ Михайловичъ Гаршинъ*.

Это — былъ „лучшій изъ людей“ — свидѣтельствуютъ о немъ все знавшіе его близко — „чистый какъ кристалль, чистота и благородство котораго невольно возбуждали вопросъ: какъ, при условіяхъ нашей жизни, могла сложиться такая натура — и что еще удивительнѣе — какъ она могла сохраниться во всей чистотѣ“?

Но что она испытала? Трудно безъ слезъ читать этотъ скорбный листъ страданій большой души покойнаго писателя, который, по справедливымъ словамъ Глѣба Успенскаго въ своихъ немногочисленныхъ произведеніяхъ „исчерпалъ все содержаніе нашей жизни, все, что давала наиболѣе важнаго его уму и

сердцу наша жизнь: все это до послѣдней черты пережито, перечувствовано имъ самымъ жгучимъ чувствомъ: война, самоубійство, каторжный трудъ, невольный развратъ, невольное убійство ближняго — существеннѣйшія язвы современнаго общества“...

„Жизнь (говорить тотъ-же писатель), не только не сушила хотя бы малѣйшаго движенія отъ глубоко сознаннаго зла къ чему-нибудь... да, хоть къ чему-нибудь лучшему, но, напротивъ, какъ бы окаменѣла въ неподвижности, ожесточилась на малѣйшія попытки не только хорошо думать, но и хорошо дѣлать. Изъ дня въ день, изъ мѣсяца въ мѣсяць, изъ года въ годъ и цѣлыя годы, и цѣлыя десятки лѣтъ, каждое мгновеніе, остановившаяся въ своемъ теченіи жизнь была по тѣмъ-же самымъ ранамъ и язвамъ, какія давно уже наложила та-же жизнь на мысль и сердце. Одинъ и тотъ-же ежедневный „слухъ“ — и всегда мрачный и тревожный; одинъ и

тотъ-же ударъ по одному и тому же большому мѣсту, и непремѣнно при томъ по большому, и непремѣнно по такому мѣсту, которому надобно „зажить“, поправиться, отдохнуть отъ страданія; ударъ по сердцу, которое просить добраго ощущенія, ударъ по мысли, жаждущей права жить, ударъ по совѣсти, которая хочетъ ощущать себя. Десятками лѣтъ идетъ какое-то безпрерывное, непрестанное, неумолимо-настоячивое отталкиваніе человѣка отъ малѣйшей попытки „поступить“—вотъ что дала Гаршину жизнь послѣ того, какъ онъ жгуче перестрадалъ ея горе“.

И Гаршинъ не вынесъ этой жизни: бѣдное, нѣжное, больное его сердце не выдержало ударовъ ея и онъ, „человѣкъ не отъ міра сего“—ушелъ въ другой міръ... Онъ „жертва“ за грѣхи наши, нашей жизни... Онъ сдѣлалъ все, что могъ и промелькнулъ на нашемъ горизонтѣ не безъ слѣда: его имя, какъ художника-писателя, обладавшаго

крупнымъ талантомъ, по признанію самого Тургенева, художническимъ темпераментомъ, точнымъ и вѣрнымъ пониманіемъ характерныхъ чертъ жизни человѣческой и общей, чувствомъ правды и мѣры, простотою и красотью формы и какъ результатъ всего—оригинальною—зейметъ почетное мѣсто въ исторіи новѣйшей русской литературы; его небольшія три книжечки небольшихъ рассказовъ—никогда не утерять своей свѣжести, значенія: въ нихъ заключена прекрасная душа поэта, пережившаго до послѣдней мелочи окружающею насъ зло,—въ нихъ—скорбные листы болѣзней и нашего вѣка вообще и нашей русской жизни въ частности... Изъ за страницъ его произведеній, писанныхъ кровью и нервами, возстаетъ предъ нами его полный духовной красоты образъ, его прекрасное лицо—съ большими, кроткими, грустно-мечтательными глазами, которые словно съ укориною смотрять на насъ...

Почтить память Гаршина—долгъ нашъ. Друзья и почитатели его избрали лучшей и достойный способъ почитенія его памяти—устройство народной школы его имени. Школа—это проводникъ знанія, распространенія культуры въ народѣ—основѣ государства. Чѣмъ болѣе будетъ этой культуры у насъ, тѣмъ болѣе надеждъ на лучшее, разумное и справедливое существованіе всего общества, за что такъ ратовалъ онъ, дорогой писатель,
„Кому всѣ люди были милы;
„Кто беззавѣтно такъ любилъ
„Весь міръ; кто отъ позора вѣка,
„Ушелъ, скорбя за челоуѣка...“

Е. Рьдинъ.